

Марина Живулина
Там, внизу

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Марина Живулина

Там, внизу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72643696

SelfPub; 2025

Аннотация

Имс встречает давнюю знакомую, но та не помнит Имса, хотя, определенно,

помнить должна.

(Дисклеймер: присутствуют описание чёрной магии и подробное описание насилия. Описываются исторические события, но их трактовка является авторской. Все совпадение имён и обстоятельств случайны. В истории есть аллюзии на творчество Кристофера Нолана).

Содержание

Глава 1. Психотерапевт	4
Глава 2. Базилик	11
Глава 3. Блуждающие огни	19
Глава 4. Полезные лекции	32
Глава 5. Ноктюрн	43
Глава 6. Садовый сторож	58
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Марина Живулина

Там, внизу

Глава 1. Психотерапевт

Третья жена Имса была похожа на Анжелину Джоли.

Понятно, что ему многие завидовали: какой из нормальных мужчин не мечтал целовать такие губы? Да и подать она себя умела: двигалась, как королева, благоухала духами, разговаривала так, что ей всё и всегда подносили на блюдечке. Мужчины падали к её ногам, как скошенные кегли. Имс этой участи не избежал. Он вообще был влюбчивым типом.

Он был очень влюбчивым типом, однако перегорал ментально. А ещё не терпел, когда что-то шло не так, как ему хотелось. Жена оказалась холодной сукой, но, сам не зная зачем (неужели пытался убедить себя, что остепенился?), он пытался этот брак сохранить.

Детей у них не было, зато у обоих имелась собственность, и, в общем, развелись бы – и развелись, не умерли. Даже друзьями остались бы, он был уверен. Ведь ничто не помешало Имсу уйти от двух предыдущих жён, несмотря на детей и спорные финансовые вопросы. Но нет: тут он упёрся рогом, хотя Анжелину, тьфу, Веронику уже не любил. И никогда не любил – кому врать-то?

Сама Вероника вряд ли кого-то когда-то любила вообще, и сейчас Имс недоумевал, как же он это обстоятельство в своё время проглядел.

Сейчас он чувствовал себя персонажем фильма «Мистер и миссис Смит», поскольку Вероника потащила его к семейному психотерапевту. Зачем ей это было нужно, Имс не вникал. Но согласился – из чистого упрямства. Надеялся, что всё войдёт в колею и он спокойно займётся новой книгой.

Да, он писал книги, и они неплохо продавались. У Имса была бурная юность, ещё более бурная молодость и невероятная память. Воспоминаний о середине 90-х и начале 2000-х накопилось на десяток бестселлеров. По сути, он писал мемуары под видом детективов. А ещё читал лекции в нескольких гуманитарных вузах.

За свои сорок пять лет Имс успел поработать в политической журналистике, пиаре, гонзо-журналистике, промышленном пиаре, покрасоваться в роли глянцевого колумниста, поработать консультантом для партий и отдельных персон. Потом решил, что с него хватит – и вот, пожалуйста, весь в шоколаде: взрослые дети, красавица жена, статус автора популярного чтива и мудрого лектора, которого обожают вечно юные третьекурсницы.

Он и бороду отпустил.

Он даже забыл, почему сам себя называет Имсом (как и все его близкие): псевдоним родился из инициалов, когда он писал статейку о дорогой мебели. Жили в пятидесятых

в США братья-дизайнеры Имс. Они придумали делать мебель не из дерева, а из крашеного пластика, созданного из стекловолокна. Дёшево и сердито – что ещё нужно было в послевоенные годы? Со временем дешёвизна превратилась в противоположность, и мебель марки Eames стала «золотой».

Чем-то Имс напоминал себе такой стул: когда-то собрал себя из подручных материалов, а теперь вроде как стал дорогим. Смешно.

Психолога Вероника выбирала сама. Приём стоил немало, но не слишком: она, как всегда, соблюдала баланс между качеством и практичностью. Одевалась в люксовые бренды, но со скидкой в сорок пять процентов. Настоящая Анжелина, наверное, так не делала. Но ведь Имс тоже не был Брэдом Питтом.

– И попридержи свои манеры, Имс, – напутствовала жена. – Не пугай врача хотя бы с первой минуты.

– А это врач? Прямо дипломированный психиатр?

– Хорошо, специалиста, – уступила Вероника. – Нет, не психиатр, ты прав. Я пока не думаю, что у нас такие проблемы.

У Имса вообще не было проблем.

Кабинет «специалиста» располагался в солидном офисном центре: салоны красоты, языковые школы, студии творчества. Сам кабинет впечатлял – большая студия, залитая светом, приёмная с миловидной девушкой-секретарём и бе-

лоснежными орхидеями. Портьеры приятного зелёного цвета ниспадали тяжёлыми складками. Прямо картинка из каталога.

Секретарь поздоровалась, позвонила в кабинет, и их тут же пригласили. Всё шло как по маслу. Вероника вежливо улыбалась, и даже презрительные носогубные складки на её лице, которые не убирались никакими золотыми нитями, почти разгладились.

У овального стола, опираясь бедром о край стеклянной столешницы, стояла стройная женщина с тёмными волосами и глазами восточного разреза. Совсем ещё девушка, сперва решил Имс. Хотя нет, не девушка – просто молодая. Лет тридцать пять.

– Ольга, к вашим услугам, – она элегантно протянула Имсу руку для пожатия.

Белая рубашка сидела безупречно, подчёркивая прямую осанку и тонкую талию. Ослепительные хрусткие манжеты скреплялись запонками из белого серебра.

Вот же гламурная стерва, подумал Имс.

Фамилия у стервы была Гольдберг, вспомнил Имс, он же бегло читал рекламные проспекты в приёмной. Лицо её напоминало библейскую миниатюру: если бы Эсфирь или Саломея ожили, они выглядели бы именно так.

Он из вредности крепко сжал протянутую руку.

Имя Ольга на безупречной Гольдберг сидело криво и нелепо. Потому что Имс точно знал, что зовут эту женщи-

ну Майя. Родители её были помешаны на музыке и называли дочь именно так – «поющая». И когда Имс впервые её встретил, никаким психотерапевтом она не была. Она была пианисткой и уже тогда собирала огромные залы, несмотря на возмутительную молодость.

А ещё Имс в течение года с ней встречался. И с тех пор вздрагивал, если видел имя «Майя» даже в виде букв. А тут – Ольга. Хрень какая-то.

Имс наизусть знал эти карие, вытянутые к вискам глаза с отсветом дикой пустыни; и каковы на ощупь волосы, когда они не залиты гелем; и все крошечные шрамы на теле этой гадины; и пальцы – длинные, тонкие, сильные, с аккуратными овальными ногтями. Красивее рук Имс не встречал. И рот этот, похожий на древний лук своим изгибом...

Он стоял и держал за руку фальшивую Гольдберг, не моргая. А она смотрела сначала вежливо и бесстрастно, потом с лёгким недоумением, потом чуть дёрнула руку, пытаясь высвободиться.

– Господин Имановский, начнём?

Она явно Имса не узнавала. Гольдберг не играла – она его действительно забыла. Напрочь, вообще.

Имс с трудом, но допускал это, хотя для него тот год выжгли в памяти рыжей лилией палача. Пусть для Майи всё помнилось не так остро, хотя она, казалось, помешалась на Имсе в том далеком времени... Но всё равно всё это было как-то...

– Ольга, а вы никогда не играли на фортепиано? – спросил Имс, опускаясь на мягкий кожаный диван рядом с Вероникой.

– Нет, не довелось, – всё с тем же лёгким удивлением ответила Гольдберг, тоже садясь в кресло. – У меня в семье никто музыкой не увлекался, скорее спортом. Я на бокс ходила в юности, меня туда отец записал, но мне нравилось.

Вот это уже было откровенное враньё. Имс прекрасно знал маму Майи, хотя и не афишировал её характер своих отношений с дочерью: та играла на скрипке в симфоническом оркестре, так что музыка передалась Майе с генами. Ни на какой бокс Майя в юности отродясь не ходила, а вот Имс, напротив, тогда боксом увлекался. Кто ещё мог фанатеть в семье Майи от спорта, он не представлял: отца своего она никогда не знала (ещё одна ложь!), из родных у неё была только сестра Эмма – лихо играла на виолончели, носила винтажные платья и зажигала с джазовыми саксофонистами, напрочь игнорируя спортсменов.

Имс перестал что-либо понимать. В отупении он сидел и смотрел на Майю – Майю, которая пятнадцать грёбаных лет назад бесследно исчезла – не только из его жизни, а вообще. Никто её так и не нашёл. А незадолго до этого глупо погибла Эмма, и Имс не посмел прийти к их матери, чтобы разделить боль, потому что играл роль лишь шапочного приятеля Майи.

А ему было очень больно.

Ему было больно до сих пор.

Он знал: именно тогда его жизнь пошла под откос, несмотря на большие успехи в профессии и деньги, которые он начал зарабатывать на всём, к чему прикасался: совсем как царь Мидас.

Только, как и в случае с Мидасом, никакое бабло не утоляло его жажды.

– Как я могу к вам обращаться? – спросила Майя.

– Зовите меня Имс, – с улыбкой белой акулы сказал он.

Он сидел на мягких кожаных подушках, как паинька, и напряжённо разглядывал запонки новоявленного психотерапевта, боясь сорваться, если поднимет взгляд. Сладкая кремовая пудра, которой жизнь присыпала его дикость, таяла, грозя явить миру оскаленное лицо.

Это был тот самый случай, когда милая детская каруселька вдруг обернулась торнадо, внутри которого мчались Всадники Апокалипсиса.

Глава 2. Базилик

Два с лишним десятка лет назад Имс в классической музыке не разбирался вовсе.

Он вырос в большом, сумрачном уральском городе: там окончил школу, там же выпустился с журфака и пошёл работать по профессии. В тех краях слушали и сочиняли в основном рок. Имс шатался по квартирникам и клубам, где сигаретный дым стоял плотной завесой, а в туалетах грязно тискались.

Рок той поры был мрачный, декадентский. Потом он выплеснулся чёрной рекой в столицы и успокоился, но в Имсову юность ещё кипел, как варево на плите. Позже стали клубиться под другую музыку – хардкор, транс, драм-н-бэйс; появились громадные рейвы. Молодому Имсу всё это безумно нравилось: он не помнил ночи, когда бы не танцевал, не пил, не курил и не распутствовал.

При этом он упрямо карабкался вверх. Ещё студентом начал писать в газеты и рекламные издания, потом затесался в агитаторы предвыборных штабов кандидатов в депутаты и мэры, потом уже координировал работу этих штабов, а вскоре сам их создавал и вёл кампании. Имс мгновенно заводил нужные связи, не забывал их подпитывать, мало чего боялся, а порой напрочь терял чувство реальности.

В Москве на него обратили внимание после одной смеш-

ной истории. Будучи редактором региональной вкладки столичной газеты, он стал приписывать федеральным политическим VIPам высказывания о местных лидерах. Премьер-министр, например, чёрным по белому говорил в его номере, как хорош владелец завода подшипников Василий Пупкин – никого подобного по уму и благородству премьер ещё не встречал. Это срабатывало: Василия выбирали депутатом.

В столице решили, что такая наглость им пригодится, и вскоре Имс улетел в Москву с одним чемоданом, оставив позади десятки разбитых юных сердец и даже не оглянувшись.

Он вообще считал, что сильные чувства подождут. Пока нужно работать и веселиться.

Московские клубы тех лет были воплощением экспериментов над разумом и телом. В начале двухтысячных там ещё случались бандитские разборки, и пятна крови на танцполах никого не удивляли. Потом пришли большие деньги, громкие имена, культовые заведения, где отрывались мировые звёзды, и Имс стал вхож во все двери.

Он был своим и на многоуровневых танцполах, где полуголые, блестящие от пота тела извивались в химическом дыму и свете стробоскопов, и в панковых дырах, где все щеголяли с красными волосами и в кожаных штанах, и в мрачных подвалах, где дверь ещё нужно было отыскать на задворках заброшенного особняка; и в заведениях, куда пускали по биркам на одежде, а гостей развлекали синие русалки в клетках и демоны с бархатными рогами.

Имс облюбовал «Дикого гуся». Здесь отрывались московские экспаты, владельцы «Феррари», в то время бившихся на ночных улицах, как сырые яйца; местные модели, мечтавшие выйти замуж в Лондон или Нью-Йорк; политики, чиновники, бизнесмены.

Имс даже раскручивал этот клуб через очередной глянце-вый журнал, где стал редактором. Из политики он, конечно, не ушёл – просто перестал светиться, стал серым кардиналом некоторых кампаний. К журналу относился несерьёзно, но тот приносил деньги на другой территории – в заповедниках гламура, быстро расцветавшего на нефтяной почве.

В «Диком гусе» он и встретил Майю.

Вернее, сначала – её сестру Эмму. Родная по матери, она на Майю совсем не походила: рыжие кудри, маленькая грудь и хриплый голос, больше подходящий запойному моряку, чем двадцатипятилетней виолончелистке. Для пресыщенного Имса она оказалась глотком свежего воздуха.

Он глушил с ней очередной ядерный коктейль и ржал, как дурак, когда Эмма вдруг кому-то оживлённо замахала, крутя руками, как вертолёт лопастями, и проорала ему в ухо, что пришла её сестра – надежда музыкальной столицы, юная солистка филармонии, Имс будет в восторге!

Когда к ним пробралась тонкая девушка с чуть раскосыми глазами, в простых джинсах и невинной белой рубашке, улыбаясь широко – до ямочек на щеках, Имс об Эмме тут

же забыл.

Девушку звали Майя. Это имя, прежде казавшееся ему блеклым и ничем не примечательным, вдруг вспыхнуло в воздухе огненными письменами и уже не гасло.

Майя болтала, смеялась с сестрой, и они сыпали именами Генделя и Шумана даже в этом клубе, набитом французским, до костей коммерческим хаусом.

Имс выслушал увлекательнейшую историю о прокофьевской сонате № 2 для скрипки и фортепиано. (Прокофьев во время войны писал её сначала для флейты и фортепиано, потом дал послушать другу – тоже композитору; тот посоветовал переписать флейтовую партию для скрипки. Прокофьев так и сделал, но затем, о боги, в скрипичном исполнении сонату услышал один знаменитый французский флейтист и, в свою очередь, переписал её для флейты. Просто умора! Так что сейчас, когда речь идёт о флейтовой версии ре-мажорной сонаты, мы чаще всего слышим её в авторстве вот этого француза. Просто удивительные гримасы судьбы! Говорили, Прокофьев смеялся до колик, когда узнал об этом).

Имсу тогда было всё равно – Прокофьев, Рампаль, Ойстрах... В конце рассказа он просто склонился к Майе и поцеловал её в губы. После этого она ушла с ним.

Так началось его знакомство с классической музыкой. С тех пор она звучала в его наушниках постоянно. Он уже не тарасил глаза, когда кто-то рассказывал о заниженной самооценке Чайковского или о сложных отношениях Листа и Ва-

гнера.

Теперь Майю он мог вспоминать только фрагментами. Стоило нырнуть глубже – и память поднимала волну, которая захлёстывала его, тянула вниз, лишала дыхания. Она грозила забрать всё, что он нажил, как бы ни пытался справиться с потерей.

Когда Имс узнал о гибели Эммы – не просто гибели, а жестоком убийстве, которому предшествовало изнасилование, а вскоре понял, что и Майя пропала, исчезла по-настоящему, объявлена в розыск, но никто не мог её найти, и с каждой неделей надежды становилось всё меньше, – он наглотался таблеток, залил всё алкоголем и очнулся уже в реанимации.

Был май 2006-го. С тех пор каждую весну его накрывала чудовищная аллергия: пыльца, цветущие деревья, шерсть, любые фрукты и овощи в это время выбивали из него все силы. Голова наливалась чугуном, глаза опухали, как после пчелиного укуса; он задыхался, кашлял густым зелёным гноем, чесался, как шелудивый пёс, и жил на ударных дозах антигистаминных – только за плотно закрытыми окнами и дверями.

И больше никогда, никогда и никого Имс так и не смог...
Не смог.

А теперь он увидел Ольгу Гольдберг. Фамилия, впрочем, была фальшивой: никакой Гольдберг Майя не была, носила фамилию Каллахан.

Продолжать спектакль ради «сохранения брака» он уже

не мог: на следующий день после визита к психотерапевту съехал от Вероники.

Следить он умел ещё со времён политической журналистики. Выяснил, где Майя живёт, на какой машине ездит, в каких магазинах берёт продукты, где бегают, с кем здоровается. Синий «Опель», утренняя йога, вечерний бег в парке. Сколько ни наблюдал – так и не увидел рядом ни друзей, ни мужчин, ни кого-то, кто заходил бы в гости. Жила она как социофоб, и это на прежнюю Майю не походило никак.

Через две недели он не выдержал. Пошёл за ней в супермаркет, неловко уронил на ногу коробку печенья.

– Простите! Ба, доктор, да это вы!

Майя взметнула глаза. На лице мелькнула тень растерянности, но не узнавания. Имс смотрел, не отрываясь: что-то не сходилось, не то это было, не то.

– Господин Имановский? Добрый вечер. Вы, кажется, отменили запись?

– Конечно. Мы разбежались сразу после вашего приема, товарищ Гольдберг. Видимо, вы зря едите свой хлеб.

– Мне очень жаль, – проглотила Майя хамство, даже не моргнув. – Нашли другого специалиста?

– Нет. Просто разошлись.

– Почему?

– Потому что этот брак – не то, за что стоит бороться. Наоборот: за такое бороться глупо и жутко. А вы не знаете,

почему тут кориандр такой вялый?

– Возьмите базилик. Он выглядит свежим.

– И точно ведь. Спасибо за совет!

– Рада, что хоть здесь помогла, – сказала Майя. – Мне остаётся только попрощаться.

Но Имс вцепился в её рукав.

– Нет, – сказал он.

– Что?..

– Нет, я не позволю вам попрощаться, – ровно произнёс Имс. – Вам не кажется, что мы уже встречались?

– Мы не встречались, Максим Сергеевич.

– Имс, – подсказал он.

– Имс, – повторила Майя после паузы.

Она смотрела настороженно, как дикий зверёк. Не знала, чего от Имса ждать и насколько тот может быть буйным.

– Майя, ты меня не помнишь? – вдруг спросил Имс, разом устав от игры.

Он смотрел прямо в чёрный зрачок, что расширился и трепетал во влажной глубине золотисто-тёмной радужки. Видел трещинку на нижней губе, будто на спелом плоде, едва заметные поры на коже, слегка посеревшей со временем: когда-то она сияла золотом.

– Вы меня с кем-то спутали, – сказала Майя. Что она могла ещё сказать.

– Ну конечно. Похоже, ты завязла в дерьме покруче моего, – сказал Имс. – Если тебе надо быть лощёным мозгопра-

вом – пожалуйста. Но у тебя проблемы, малышка. Амнезия или что похуже. Память – штука упрямая, она не прощает. Ночные кошмары, мигрени... душа, она такая дрянь – не отпускает. И ещё... я ведь был в твоей квартире. Тише, тише, не дёргайся... Там нет ничего личного, дорогая. Ни фотографий, ни плюшевых кроликов, ни рамки с фото, ни файла в ноутбуке, ни номера любовника в телефоне. Ни друзей, ни воспоминаний. Как же так?

Майя серела с каждым словом, но даже не пыталась вырвать руку.

– Придешь домой – проверь почту, – наконец сказал Имс, отпуская её рукав. – Я выслал кое-какие фото, может, память тебе освежит. И позвони. Номер ведь есть у твоей блонди на ресепшн.

Майя повернулась и пошла к кассам. На миг остановилась, постояла перед очередью, потом поставила корзину с продуктами у стеллажа и вышла – без всяких покупок.

Глава 3. Блуждающие огни

Имс ждал.

Не писал, не читал; студентов и особенно назойливых студенток видеть уже не мог, хотя в университет исправно ходил. Посещал литературные тусовки, выступал, даже дискутировал. Устроил автограф-сессию, сидел и терпеливо подписывал свежие книжки, пару раз участвовал в публичных чтениях с одним знаменитым поэтом.

Жизнь, казалось, была фонтаном.

Жизнь замерла, как стоячая вода, в которую не падает ни одной капли.

В собственной голове Имс наматывал круги, как хищник в тесной клетке, хлеща себя хвостом по бокам.

Память – подлая штука. Стоит ухватить за один кончик, и она, как нить Ариадны, сама раскручивается по лабиринту, даже если её никто не звал.

Он ведь был уверен, что Майя умерла. Он с этим смирился... хотя нет, не смирился – утопил, как и всю свою память. Она ушла под лёд с тяжёлыми грузилами, и Имс искренне надеялся, что больше никогда не всплывёт.

Он не помнил лиц первых жён, не помнил даже, как выглядят сейчас его сыновья. Имс никогда не был примерным отцом – виделся с детьми редко, по выходным, зато исправно платил за лечение, образование, отдых, одежду и считал,

что этого достаточно. Теперь они выросли: одному двадцать, другому шестнадцать – вроде немного, а вроде и немало. Они созванивались каждую неделю, но встречались редко. Имс радовался, что выполнил биологический долг, но будто осиротел – в нём не осталось настоящих чувств.

Он стал мастером имитации. Мог сыграть кого угодно: заинтересованного преподавателя, внимательного отца, страстного любовника, вдохновлённого лектора, остряка, бандита, интеллигента. Но за этим бесконечным гримом он потерял собственное лицо. Чтобы откопать хотя бы обглоданные временем кости старых эмоций, пришлось бы долго копаться в слоях ментального грима.

Когда-то он занимался любовью с Майей перед зеркалом и смотрел в отражение – в её лицо и своё. И оба отпечатались в памяти навечно. Он помнил себя как чужого: резкие скулы, яркие губы, нос, недавно сломанный в пьяной драке, глаза – наглые, пьяные от похоти. Он не гордился этим лицом. Да, он был красив, но порочно – красота, которая притягивает и отталкивает одновременно. Не гордился и поступками: сколько дерьма он тогда натворил – не счесть. Но то была его жизнь. Настоящая, неподдельная. Всё, что случалось тогда, было выбрано им самим.

Он наматывал круги по клетке не только сейчас – вдруг понял он. Наматывал их все эти полтора десятка лет, зная, что выхода нет. Но вот появилась Майя Гольдберг – и оказалось, что пара стальных прутьев всё-таки покосилась.

Поэтому Имс ждал – с невероятным терпением и ещё большим нетерпением. Он пытался заполнить каждый час, лишь бы поскорее пришло завтра. Лишь бы началось настоящее. Лишь бы Майя написала, позвонила, пришла. Она должна была это сделать – рано или поздно.

Стоял март, и погода вела себя истерично – металась между синим бездонным небом с ослепительным солнцем и жидкой серой моросью, переходившей в сухой белый снег, похожий на пенопласт.

Они встретились недалеко от дома Майи – около конечной остановки автобусов и троллейбусов. Снимаясь с паузы и снова выходя в город, они издавали характерное фырканье и шипение, и это почему-то напоминало Имсу детство.

Дороги сегодня развезло, они отсырели и почернели, да и вообще сильно потеплело. Тучи разошлись. Имс сидел на скамейке перед каким-то сквером, в мягкой стёганой куртке, худи с капюшоном под ней, джинсах и кроссовках – и курил уже вторую сигарету. На носу болтались зеркальные очки; в них он выглядел подозрительно, как всегда. Он нервничал, и это чувство казалось давно забытым. Не сказать, чтобы приятным.

Майя опустила на другой край скамейки и пару минут помолчала.

– У большинства людей на планете есть двойники, – наконец сказала она.

– Есть, – не стал отрицать Имс.

– И я допускаю мысль, что кто-то в твоём прошлом очень на меня походил. Кто-то близкий тебе.

– Да неужели? – поднял брови Имс. – Ты заметила, что близкий? Я старался, подбирал фото.

– И я хорошо помню своё прошлое. Я помню отца, крепкого мужика с серыми глазами. За словом в карман не лез, мог навалить кому угодно. Работал на заводе, что-то там с автопромом связано, я не вникала в детстве, а потом он умер – рано. Маму тоже помню: работала на швейной фабрике, рыжая и весёлая, горластая такая, но в хорошем смысле, позитивная. Я потом и парня похожего выбрала – рыжеволосого, с хриплым голосом. Ну, мы давно расстались с ним. А мама тоже умерла, но та – спокойно, в срок, она отца была много старше. Я ушла с головой в работу, долгих отношений у меня ни с кем не сложилось, да и потребности не возникало особой. Так, короткие знакомства периодически.

Она была какой-то замороженной сегодня, ни следа от уверенной, блестящей Гольдберг, но и ни следа от прежней живой Майи.

– Ясно, ну что ж, продолжай, – пыхнул сигаретой Имс, глубоко, до запавших щёк, затянувшись.

Майя долго молчала. Имс уже задницу отморозил – не май всё-таки.

– Но после твоего появления я начала вспоминать всё в подробностях. Ну, знаешь: цвет рубашки, смешные случаи,

дружеские вечеринки, первый поцелуй, семейные посиделки... И поняла, что на самом деле не помню всего этого. Я не помню деталей. Это просто... просто некая документальная информация. Размытые образы – размытые до такой степени, что походят на мельком виденные картинки в журналах. Шаблоны. А ещё я... перерыла все свои вещи. Ты был прав. Нет никаких триггеров, ни одного. Моя память как стерильная операционная: всё белое, и есть только самое необходимое для срочной операции. А затем я решила позвонить в некоторые реальные места. Например, в ту компанию, довольно известную, где якобы работает мой бывший. Он там не работает. И не работал. Там вообще не знают мужчину с таким именем и с такой внешностью. Дальше я не поленилась и сходила на свою старую детскую квартиру – вернее, я её таковой считала. Там нашла стариков, которые живут в доме больше полувека. И они не помнят такой семьи.

– Есть версии, что с тобой?

– Конечно, – невесело улыбнулась Майя. – Я, похоже, действительно получила образование психолога.

– И?

– Диссоциативная fuga. Похоже, у меня не только диссоциативная амнезия, похоже, я пошла дальше и создала себе новую личность. И ты, как писатель, – да, Имс, я погуглила, – тоже это знаешь, потому что должен был о таком читать по крайней мере у одного французского детективщика.

– «Пассажир без багажа», – кивнул Имс. – Да, я сразу об

этом подумал. Похоже, твоя память создала новое прошлое из старого. Ты росла без отца, но я – я занимался боксом, был наглым и сероглазым, вот ты и сделала подмену. Мама твоя, конечно, от швейного дела была так же далека, как я – от высшей математики. Она действительно умерла. А ещё у тебя была сестра, года на четыре тебя старше, – та рыжеволосая, хриплоголосая, которую ты описываешь.

– Была? – после паузы спросила Майя.

Имс вздохнул.

– Да. Несчастный случай.

– Несчастный случай? Какой именно несчастный случай?

– Сложно о таком рассказывать подробно. Её убили. Напали два пьяных отморозка – и убили. После этого ты исчезла, и всё. Думаю, могла помешаться как раз из-за смерти сестры, вы очень друг друга любили, да это вообще шок был для всех. Но почему ты даже мне ничего не сказала – вот это для меня до сих пор загадка. Я же тоже любил Эмму, мы были не чужими людьми. И тебя я... Мы были вместе тогда, и я потом мучился постоянно: почему ты не рассказала мне?.. Но если ты однажды встала утром, и тебе втемяшилось в голову, что ты – психолог Гольдберг... это многое объясняет.

Майя молчала, сложив руки в перчатках на коленях.

– Да, это возможно, – наконец тихо сказала она. – Только сначала, наверное, была не Гольдберг. Мне надо было получить какое-никакое образование, чтобы ей стать. Возможно, Гольдберг родилась уже потом.

– Тебе страшно?

– Немного, – качнула головой Майя. – Все чувства будто под наркозом. Скорее удивление... но под ним холодок. Думаю, я реально испытала большой шок, и в глубине подсознания – крошечный ужас до сих пор, поэтому я всё ещё под анестезией. Но я хочу узнать, Имс. Я хочу узнать, из-за чего я попала в фугу. И кроме тебя источника у меня нет. Пока – нет.

– Так вот в чём дело, – Имс выкинул окурок в урну. – Я твой Вергилий. Проводник в глубины ада. Тоже роль, конечно... И весьма почётная.

– Ну а чего ты ждал, Имс? – Майя впервые дала просочиться усталости в голос.

– О нет, я понимаю, я для тебя незнакомый и нездорово реагирующий мужик. Возможно, тоже психованный, к тому же явно буйный. Возможно, опасный.

– Ты ошибаешься, Имс. Для меня ты – как дымок над вулканом, а мне предстоит спуститься, похоже, до самого земного ядра, в кипящую лаву.

– Уж поверь мне, Майя, ад – скорее ледяные пропасти, чем огненные. Они замораживают до самого сердца. И это гораздо страшнее, чем кипящая лава. Но есть и хорошая новость, дорогая. Что бы такое ужасное ты раньше ни пережила, второй раз ты не будешь переживать это в одиночку.

– И... с чего начнём?

Имс ловил себя на том, что его тоже постигла частичная амнезия. На его квартире – той, которая всегда была только его и куда он ни жён, ни любовниц, ни приятелей не допускал, – стоял рояль. Стоял он там очень давно, и Имс так к нему привык, что про него не вспоминал, даже когда смотрел прямо на него. Сам он никогда не играл, но продать рояль или подарить какой-нибудь музыкальной школе ему никогда в голову не приходило. Рояль стал частью комнаты, врос в неё и потерял видимость.

А ещё Имс забыл, как он там появился.

А сейчас вспомнил.

Он купил его для Майи. Тогда у него уже водились немалые деньги, и рояль он взял дорогой – «Бехштейн». Конечно, Майя не жила с Имсом, у неё был свой инструмент дома, да и везде, куда она приходила репетировать или играть, рояли и фортепиано имелись в избытке.

Да и жить рядом с Майей и роялем постоянно было бы невозможно: она занималась всё время – готовилась к экзаменам, концертам, фестивалям, училась, получала премии, грамоты, дипломы, места, новые площадки.

Имс не слишком разбирался в этой музыкальной кухне, но знал: Майя могла играть часами, делать короткий перерыв – и снова садиться.

Рояль был прямым конкурентом Имса, но как же сладко оказывалось его побеждать.

Майя говорила, что каждый инструмент имеет свой ха-

раक्टर, и с ним нужно прийти к пониманию, как в любой паре. Он может быть мягким, трепетным, может – жёстким, упрямым, а может оказаться просто тренажёром без души.

«Нельзя слишком долго играть на рояле, который чувствует каждое касание, каждое намерение, – объясняла она. – Это балует и расслабляет. А потом где-нибудь, где нужно сыграть безупречно, попадётся холодная, грубая клавиатура, а ты уже слабая, разнеженная и не сможешь с ней совладать».

«Бехштейн» как раз из понимающих, из чувственных, – говорила Майя. – Хорошо, что я не на нём в основном репетирую, ведь он слишком развращает».

«С другой стороны, – задумчиво продолжала она, поглаживая бок рояля, – только такой инструмент может показать красоту слияния цели и средства, когда музыка будто возникает из небытия, из воздуха. Ради этого композиторы и пишут: чтобы звучала музыка сфер, музыка духов и фей. Такие рояли настраивают ухо и саму душу на настоящее звучание – каким оно должно быть в идеале».

– Я понял, – широко ухмыляясь, подытожил Имс. – Я тоже слишком хорош для тебя, Майя, а? Боишься, что потом с кем-то другим не пойдёт совсем? Но, с другой стороны, зачем тебе кто-то ещё? Приходи к нам с «Бехштейном», когда захочешь прикоснуться к лучшему.

Майя тогда даже не засмеялась. Улыбнулась тонко и грустно.

В этот раз она смотрела на рояль, как на спящее чудовище, потом открыла крышку и осторожно, невесомо коснулась белых клавиш – будто крупных, страшных чьих-то зубов.

– Я была хороша? – спросила она, и у Имса сжалось горло.

– Ты была фантастична, малышка.

– Интересно, каково это, – задумчиво произнесла Майя. –

А сколько мне было, когда мы с тобой познакомились?

– Двадцать с маленьким хвостиком. Совсем девчонка.

Майя рассеянно улыбнулась.

– А Эмма?.. Как с ней... это случилось?

Имс вздохнул, открыл ноутбук, покопался во вкладках браузера и отдал ноутбук Майе.

Она читала так тихо, что слышно стало, как на окне с камелии в горшке опало несколько листьев.

Имс этот глянцево-блестящий куст притащил из квартиры, где жил с Вероникой, но всё забывал поливать. Так что он взял лейку, пошёл на кухню за водой, а потом вошёл в раж и полил все остальные цветы – в другой комнате и на кухне, даже разрыхлил в некоторых горшках землю вилкой.

– Имс, хватит прятаться, – крикнула Майя пронизательно, и он поплёлся обратно к дивану.

– Ты не говорил, что имели место... издевательства, – блекло упрекнула Майя.

– Прости.

– Знаешь, где её могила?

– Конечно.

– А тех парней... потом нашли, посадили? Или что?

– О, там была история, – оживился Имс. – Их нашли, но уже в виде трупов. Когда за ними пришла полиция, эти упыри – братья родные, кстати, – уже лежали синие у себя на квартире. И самое странное, что никаких следов насилия на их телах не нашли. Как и следов суицида, понятное дело. Или кто-то самосуд свершил – быстро и точно, или они ещё куда-то впутались. Я за этим делом следил как журналист. Думал, может, яд – нет, не яд, показали результаты вскрытия. Сердце отказало у обоих. Хотя обнаружили странность: кожа на лбу у них потемнела, будто кто-то метки поставил. Однако это было просто потемнение – не рана, не ссадина, не ожог, не инъекция... Больше похоже на точечное обморожение.

– Здесь написано, что она просто шла к подруге, которая жила через двор. В девять вечера. С бутылкой вина и тортом. И никто не пришёл на помощь, пока её били, насиловали, резали ножом? Ни один человек?! Это же не глухой пустырь, не окраина, не лес! Не три часа ночи! Как так, Имс? Как может человек просто не перейти собственный двор?

– Ты же читала: «позже местные жители рассказали, что слышали крики о помощи».

– Да. Читала.

– Не помнишь её?

– Нет. Но всё равно это... В голове не укладывается. Я хочу съездить на кладбище, Имс. К ней. И к маме.

– Хорошо, – пообещал Имс. – А теперь тебе неплохо было бы поспать.

– Да, мне пора идти. Спасибо за информацию, Имс.

– Нет, тебе не пора, – как можно небрежнее проговорил он, опускаясь на диван рядом с Майей. – По большому счёту, тебе некуда идти. У тебя нет дома: та холодная квартира что угодно, только не дом. И друзей у тебя нет. И мужчины тоже ни хрена не наблюдается. У тебя нет никого, кроме меня, давай посмотрим правде в глаза.

– Не утрируй, Имс. У меня есть коллеги. И знакомые есть. Приятели.

– Если ты два раза с кем-то поздоровалась в буфете или обменялась мнениями по поводу параноидной депрессии – это не приятельство, Майя, и не дружба. Никто не обрадуется твоему появлению с признанием в амнезии и ложной личности. Уж прости за прямоту, дорогуша. Я достаточно много узнал о тебе, но характерно, что это «много» уместилось всего в две недели слезки. Ты призрак, Майя. И говорящая голова, если вспомнить твои сеансы психотерапии.

– То, что ты самодур и нарцисс, стало очевидно ещё на первых минутах у психотерапевта.

Имс оскалился:

– Пусть так. Но сейчас мы закажем пиццу, выпьем немного вина – и ты ляжешь спать.

– Я надеюсь, ты не ждёшь, что утром я упаду в твои объятия, а потом сяду за рояль и безупречно сыграю «Блуждающие огни» Листа?

– «Блуждающие огни»? Оп-пачки, Майя...

Она резко замолчала, а потом вздохнула и медленно, петля за петлёй, стянула с шеи длинный шарф.

– Только не гавайскую пиццу. Терпеть не могу ананасы.

Глава 4. Полезные лекции

Луна качалась в небе, как фонарь, подстёгиваемый взбесившимся ветром. Имс лежал на постели, закинув руки за голову, и не знал, стоит ему пойти посмотреть – спит ли Майя или, может быть, сломать задвижку на входной двери, чтобы оставить её здесь хотя бы ненадолго, или сделать что-то ещё. Вина было выпито не так уж много, но оно бродило в крови.

Эта Майя, конечно, не была прежней Майей. Даже если бы с ней ничего не случилось, она всё равно не была бы прежней: прошло ведь много лет. Что можно было сказать точно – её психика оказалась ранена настолько, что подсознание решило не рисковать: не просто запустило амнезию, а стёрло всю личность, чтобы до воспоминаний было добраться максимально трудно.

Имс допускал, что события могли к этому располагать. Однако он никак не мог избавиться от вопроса: неужели Майю нечто – пусть даже и убийство любимой сестры – могло моментально стереть в порошок?

Он был с ней всего год, ну ладно – чуть больше, но прекрасно ощущал в этой девушке стальной стержень. Музыканты, на самом деле, куда сильнее, чем принято думать. Чтобы стать действительно хорошим музыкантом, нужно заниматься с четырёх лет, большую часть суток и каждый день; настолько часто преодолевать себя, что большинству обыва-

телей, считающих пианистов, скрипачей и гобоистов легкомысленными бабочками, такое даже не снилось.

Ок, Имс был готов сделать скидку на то, что у Майи имелся большой талант, и, возможно, ей не приходилось ломать себя так уж сильно. С другой стороны, к талантливым детям требования всегда выше. Так что талант Майи густо усыпал её путь шипами, прежде чем усыпать розами.

И вот человек с нервной системой, закалённой преданной службой музыке, человек, который, не моргнув глазом, окунулся в любовь Имса, будучи до этого не искушён в амурных делах, человек, который в девятнадцать лет принял на себя славу и ответственность масштаба, от которого плечи тридцатилетних гнутся, – вдруг, столкнувшись с эмоциональной травмой, съезжает с катушек, выходит из дома в ветреную весеннюю ночь и растворяется без следа.

Имс читал о фуге. По-латыни fuga – «бег, бегство». Даже музыкальная форма, названная так, строилась на убегании от самой себя: общая тема переходила с одного голоса на другой. Фуга занималась самоимитацией – яркая мелодия последовательно звучала в разных голосах: в начале – в основной тональности, потом – в других, в финале – снова в исходной. Бывали двойные и тройные фуги, с пятью голосами и больше. Считалась она вершиной полифонии, и до сих пор никакая другая форма её не превзошла.

Личностное расстройство, называемое диссоциативной фугой, тоже напоминало пугающее бегство – только изнутри.

Фуга могла повторяться, особенно если травма была глубокой. Иногда человек создавал новую личность, потом снова терял память и порождал третью.

Имс подозревал, что в случае Майи о простоте можно забыть. Первый раз она явно очнулась не психотерапевтом Гольдберг. Не те условия, чтобы сразу открыть кабинет психотерапии: ни документов, ни профильного образования. Она ведь всю жизнь посвятила музыке.

Сначала, вероятно, Майя просто бродила с амнезией. Потом начали всплывать тени – обрывки, ложные вспышки. Потом, может быть, чему-то стала учиться. Когда уже обрела какие-то навыки и опору, случилось нечто, что вновь пошатнуло память, и – новый виток.

Фуга оставалась точной метафорой: вспомнив старую личность, человек забывал новую. В финале возвращалась основная тема, а вариативная исчезала. Хотя изредка случалось, что память удерживала обе.

Если честно, Имсу было всё равно, какую часть жизни вспомнит Майя. Он теперь был и там, и здесь – и это главное. Беспокоило другое: в Майе, помимо следа старого шока, теперь жила ещё какая-то глухая тоска плохо понятного ему свойства. Будто Майя не только что-то увидела и была потрясена увиденным, но и получила какое-то тайное знание, которое навсегда закрыло ей дорогу к прежней жизни.

Кладбища Имс не любил. Нагромождение чёрных решё-

ток, заключавших могилы в клетки; нелепые тяжёлые камни, теснота, искусственные цветы – всё это точно лишало человека, и в жизни-то несвободного, даже посмертного намёка на свободу.

Неужели в аду тоже тесно, думал Имс. Это было бы хреново. На этом свете не знаешь, куда деться от толпы записных идиотов, а на том, выходит, не лучше.

Майя на могилах матери и сестры постояла буквально по две минуты, потом пошла обратно к воротам нелепого города мёртвых. Но по пути несколько раз останавливалась и оглядывалась.

– Ты предпочитаешь, чтобы тебя кремировали или похоронили? – вдруг спросила она.

Имс помолчал, раздумывая.

– Чтобы похоронили. Огонь – слишком моментальный способ стать ничем. А так кости ещё долго будут материальными. Ты будешь здесь, всё ещё здесь. Конечно, хотелось бы быть зарытым где-нибудь в саду, чтобы потом из меня выросло дерево или цветы. Естественный цикл.

Он усмехнулся.

– Знаешь, как англичане называют лежание в могиле? Удобрять маргаритки. А в Германии, кажется, – нюхать корни сирени... Гиппократ вообще утверждал, что духи умерших способствуют проращению семян. А финны, когда сеют, зарывают в землю кости. Немцы бросают в поле землю со свежих могил. А в Швеции женщины хранят в сундуках

по кусочку свадебного пирога, чтобы взять с собой в гроб. Сколько романтики, а? В общем, когда я умру – надеюсь, лет через пятьдесят, – не сжигай меня. Посади на моей могиле много цветов и положи рядом кусок сладкого пирога.

– Кажется, в этом мире и без меня есть кому о тебе позаботиться.

– Я не хочу, чтобы это был «кто-то». Я хочу, чтобы это была ты, любовь моя. А ты сама что хочешь?

– Я однозначно за крематорий.

– Почему?

– Не хочу стать призраком. Или живым мертвецом, если вдруг грянет зомби-апокалипсис.

– Уважительная причина. Но если ты вдруг посмеешь отбросить коньки раньше меня, твой прах я буду хранить у себя в спальне.

Майя резко остановилась посреди дороги. Они уже вышли с кладбища и шагали вдоль улицы, мимо белой старой церкви. Руки она держала в карманах. Имс заметил: она вообще всё это время перчаток не снимала, хотя стояла довольно тёплая погода. Возможно, мизофобия.

– Имс, – отчётливо сказала Майя. – Зачем этот спектакль? Ну правда? Ты ещё ладони к груди прижми.

– А я прижму, – пообещал Имс. – За мной не заржавеет. Ты лучше скажи: что нам дал этот поход?

– Да ничего, – тихо сказала Майя. – Но надо же было попроситься, пусть даже так коряво, пусть и запоздав на деся-

ток лет. По крайней мере... это элементарная вежливость.

Имс хмыкнул. Много в этом мире поменялось, но всё же что-то оставалось прежним.

– И каков твой дальнейший план действий? – спросил Имс.

Они до сих пор шли по улице бок о бок, хотя им, наверное, стоило поймать такси, чтобы вернуться домой к Имсу. По крайней мере, Имс этого хотел. Неважно, что эта новая Майя никакого интереса к нему не проявляла: ни намёка на смущение, на блеск в глазах, на румянец.

– Имс, я даже не знаю. Сегодня я уже не горю желанием что-то о себе узнавать. Если уж память так старательно от меня что-то прячет, может, так и надо? Может, не стоит соваться волку в пасть? Это разрушит мою жизнь, я уверена.

– Было бы что рушить, – Имс пнул валявшуюся на тротуаре банку из-под кока-колы.

– Имс, не тебе это решать.

– Ты слушаешь классику?

Майя снова остановилась и взглянула ему в глаза.

– Я не переносу музыку. Любую. Хоть классику, хоть попсу, да и рок, джаз, оперу... не могу даже радио слушать. Вернее, слушаю – но только литературные и психологические лекции. А перед сном включаю шум леса или дождя и под них засыпаю. Любые связные звуки вызывают страшную мигрень... Но ты ведь хочешь еще о чём-то спросить, так?

– Хочу, – признался Имс. – А если ты случайно слышишь мелодию классическую... Ты узнаёшь её? В голове всплывают название, размер, тональность?

Майя отвела взгляд и обошла Имса, как какое-то дерево, а потом и вовсе зашагала прочь. Но Имс догнал её и схватил за рукав – он не собирался сдаваться.

– Ответь!

– Хочешь насвистеть мне «Маленькую ночную серенаду»? Или «Менуэт» Боккерини? Доволен? Да, у меня огромная музыкальная база в голове. Но я всегда считала, что в прошлом я была большой любительницей классики, хотя этого и не помню. А после травмы что-то в мозгу повредилось, и вот теперь любой звуковой стимул – мигрень.

– Это не ты считаешь, а Ольга Гольдберг, насколько я понимаю. Постой! Травма? Что за травма?

– Несколько лет назад я очнулась в парке после сильной травмы головы. Всё лицо в крови, на затылке – рана. Не знаю, возможно, меня ударили – тут в памяти чёрная дыра, а может, машина сбила, а может, просто упала сама... При мне были документы на имя Ольги Гольдберг. Причём интересно: среди них оказались не только паспорт и права, но и сертификат на право ведения психологической деятельности, а ещё диплом магистра факультета психологии Московского института психоанализа – дистанционное обучение, правда. Потом всплыли какие-то обрывочные воспоминания: судя по объёму знаний, я действительно училась на психоло-

га. Сдавала экзамены, даже практиковала – пятнами я это помнила. Да что там, сполохами довольно прилично помнила последние лет пять. А вот из более давнего – ничего. И то, что происходило непосредственно перед травмой, тоже стерлось: я не знала точно, сколько выпало – месяц, год? Кроме того, я не могла вспомнить элементарного – где живу, где работаю. Зачем таскала с собой все документы по поводу образования и профессии? Может, шла устраиваться на работу? Или уже знала, что со мной может случиться приступ амнезии, и не хотела очнуться без имени и без профессии. Я подумала, прописка в паспорте поможет – она была, и я пошла по тому адресу. Однако это оказался деревянный барак на окраине, в аварийном состоянии, жить там было невозможно. Хотя, конечно, пара забулдыг там всё же обитала. Я не поленилась, опросила их – конечно, они меня не знали. Да и представить трудно, чтобы я хоть раз ночевала в той квартире, которая числилась моей. Очевидно, я когда-то купила эту прописку. Я плюнула, сняла нормальное жильё, открыла кабинет, начала практику. Оказалось, что у меня есть банковские счета, кредитные карты – правда, всё в каких-то мелких частных банках, да и денег немного. Самым смешным оказался список контактов в телефоне. Он сохранился, но... там вообще не было ни одного номера. Ни одного.

– Но ты могла пойти в полицию, чтобы они разослали твои фотографии, например...

– Я боялась, Имс. Я не знала, чего ожидать от прошлого.

Вдруг я влезла в криминал? Вдруг меня не просто так ударили? Вдруг я наследила уже где-то? А потом я решила кое-что проверить, залезла в даркнет и нашла неких спецов. Мне почему-то не давала покоя одна мысль, и она подтвердилась. После этого я полицию обхожу за три километра.

– Паспорт был подделкой? – догадался Имс.

– Паспорт был подделкой, – кивнула Майя. – А вот все остальные документы оказались настоящими. Поэтому я сходила в институт. И да! Учёба была реальной. Я у них числилась в списках выпускников, я действительно получила диплом, но в лицо меня никто не узнал. Дистанционница, что тут скажешь. Зачёты и экзамены онлайн, только защита диплома очно. Но руководитель моего диплома уже не работал в институте, куда-то уехал за границу. Всё одно к одному. Если честно, я не чувствовала тяги разыскивать родных... я ведь ничего не помнила. А когда вспомнила... ну, мне казалось, что вспомнила, это были те факты, которые я тебе рассказала уже. Мать умерла, отец тоже. И ещё мифический бывший. А больше никого и не было в моей памяти. Я успокоилась.

– Успокоилась?

– Я приняла новую жизнь, начала с чистого листа, и всё шло хорошо, пока ты не ввалился в мою душу, как грязный слон.

– Выходит, единственное твоё неудобство – что ты терпеть не можешь музыку.

– Мне просто всё равно, не придумывай... Лекции полезнее, если уж на то пошло.

– Понятно, – через силу ухмыльнулся Имс. – И что будем делать сейчас? Даже никаких «давай станем просто приятелями, по пивку в баре в выходные»?

Майя смотрела на него с жалостью, почти с нежностью, и Имса точно прошило раскалённым шилом насквозь. Он понимал: это конец. Сколько бы теперь он ни преследовал Майю, она не поведётся – ни на его широкие жесты, ни на флирт, ни на клоунаду, ни даже на шантаж и угрозы. В этом была вся прежняя Майя: ею почти невозможно было манипулировать. Не то чтобы Имс не пытался – пытался каждый божий день.

– Прощай, Имс, – мягко произнесла Майя.

Имс уже собирался вымученно улыбнуться, а потом – как всегда – обдумать, как действовать дальше. Он всё равно собирался бороться. Но вдруг понял: с Майей в один миг стало что-то не так. Её затрясло, как осиновый лист, лицо побелело, посерело – и, как привиделось Имсу, почернело. Она рухнула: сначала на колени, потом набок, к ножкам древней скамейки.

Имс бросился к ней, не помня себя. Легонько похлопал по щекам – без сознания. Щупая пульс, вздрогнул: кожа обожгла холодом, ледяным, мертвенным. Он сорвал перчатку и замер: на подушечках пальцев мерцали синие электрические огни, точно живые.

Всё это длилось секунд десять, а потом пропало: вместе с сиянием ушёл и холод. Руки Майи потеплели, и Имс накрыл их своей ладонью.

Через мгновение она открыла глаза. В них стоял чистый страх.

– Кажется, со мной что-то не так, Имс, – прошелестела Майя. – У меня галлюцинации... и очень страшные.

– Дорогуша, – тихо сказал он. – Это не самая большая твоя проблема.

Майя проследила за его взглядом – и тут же привстала, оглядываясь.

Вокруг скамейки, по широкому радиусу, валялись трупы голубей и воробьёв.

Глава 5. Ноктюрн

Ни в какую больницу Майя, конечно, не поехала. Домой Имс её тоже не отпустил – для него это было естественно, а вот согласие Майи, довольно быстрое и без всяких протестов, удивило. Видимо, что-то её и вправду сильно напугало.

Они сидели за столом в кухне и ели приготовленное Имсом овощное рагу. Перед этим выхлестали по половине стакана виски, так что Имс сомневался, что правильно ощущает вкус.

– Ты хорошо готовишь, – всё же сказала Майя.

Имс угукнул – готовил он действительно неплохо. По крайней мере, лучше Вероники. Та выдавала такую стряпню, что Карлсон справился бы лучше. А Имс мог и сладкий пирог испечь по настроению, и с рыбой обожал возиться. Рыба, точно... Надо съездить на рынок.

– Ты любишь форель? – спросил он. – Можем съездить на базар, развеяться...

– Развеяться? – усмехнулась Майя. – Если меня опять посреди дороги замкнёт?

– Не замкнёт, – отмахнулся Имс. – Ну даже если и так? Что же ты теперь – собираешься сутками сидеть дома, как принцесса в башне? Да наплюнь. Привиделось что-то, потеряла сознание...

– В следующий раз может случиться и кое-что похуже.

– Не знаю, как ты, Майя, а я обожаю всякую паранормальщину. Иногда задумываюсь: а может, мир действительно состоит исключительно из физических объектов? И всё рационально, и наукой объясняется, и нет никакой метафизики, а есть просто недозревший до открытий наш маленький мозг? И так муторно и тоскливо становится, хоть вешайся. А эти твои синие огни... как огни Святого Эльма... Страшно, но красиво.

– Господи, да с чего ты взял, что это обязательно нечто паранормальное? Может, мы просто оказались в зоне какого-то физического явления. Есть радиация, есть ультразвук, инфразвук – да куча всего, чего человек не чувствует. Бывает, молния в человека ударяет. Вот и я попала под влияние чего-то! И не только я, но и птицы!

– Может быть, – уклончиво согласился Имс.

– Но ты так не думаешь.

– Думаю, что источником этой невидимой силы стала ты сама, Майя. От тебя шёл холод, свет... Ты – я не знаю – будто стала иным существом. Тебя что-то изменило. Был какой-то триггер! Интересно... чтобы запустить фугу, тоже нужен триггер. Может, он один и тот же?

– Я очнулась собой, – возразила Майя.

– Я был рядом и не дал тебе нырнуть в новую реальность.

Может такое быть?

Майя молча ковыряла остывшее рагу.

– Почему ты так редко снимаешь перчатки, Майя? Даже

когда тепло?

– Что? Я... я не знаю. Мне нравятся перчатки. Меньше цепляешь всякой заразы.

– Согласен. И, возможно, ты по старой памяти бессознательно бережёшь руки. Но, может быть, что-то ещё? Что-то, о чём помнит твой мозг, а ты – нет?

– Если и помнит, мне это неизвестно.

– Я вот о чём думаю... Только не бей меня. – Имс поднялся со стула, обошёл стол и присел на его край прямо перед Майей. – У тебя, возможно, огни Святого Эльма ассоциируются с романами о корсарах, пиратах – Сабатини, Сальгари, все эти авторы с чёрными парусами и бутылками рома...

– Я не так начитана, как ты, Имс, – ядовито отозвалась Майя.

– Но я довольно много в своё время играл в «Вархаммер». Так вот, в этой вселенной пресловутые огоньки возвещали о прорыве имматериума и появлении демонов по эту сторону реальности.

– Имматериум? Это что за дрянь?

– Ну, скажем, параллельное психическое измерение. Вселенная энергии хаоса. Реальность, подчинённая духам. Иногда её называют Эфиром, иногда Океаном душ, а чаще – Варп. Термин авторы игры, кстати, бессовестно свистнули у литераторов. По-английски warp значит «деформация», а ещё так называют способ передвижения через гиперпространство в фантастике. Чёрт, я уже лекцию начал читать по

привычке... Майя?

Имс ожидал чего угодно: что Майя посмотрит на него круглыми глазами, что вздохнёт, что встанет и уйдёт. Но не ожидал, что она будет сидеть бледная и внимательно смотреть на свои руки.

– Что ты видела там, в своих глюках?

– Я скажу, Имс, но не проси сейчас. Мне надо подумать.

– Давай подумаем вместе.

– Ты мне лучше скажи... если мы были близки... ты когда-нибудь записывал мои концерты? На видео?

– Да, тогда ещё на кассеты. У меня была камера «Сони Хэндикам», очень ею гордился. Потом оцифровал, конечно. Подожди, сейчас принесу ноутбук. Часто жалел, что не записывал тебя постоянно.

– Я бы на твоём месте всё стёрла.

– Ты не была на моём месте, – резко ответил Имс.

Пока Майя смотрела и слушала шопеновский ноктюрн до-диез минор в собственном исполнении – вернее, в исполнении своей двадцатилетней версии, – Имс курил в открытое окно. Он предпочёл смотреть на паршивого голубя, нахально усевшегося на подоконнике, нежели наблюдать за точёным лицом Майи.

Она сидела тихо, как мышка, и ни разу за пять минут звучания ноктюрна не шевельнулась. Руки держала сцепленными замком на коленях, словно боялась их.

Имс всегда был убеждён, что этот ноктюрн – лучшее, что Шопен написал. А ещё он всерьёз считал, что лучше Майи его никто не играл. Глупая уверенность влюблённого... И когда он думал о том, что Майя больше ничего не сыграет вообще, в горле вставала острая боль.

Майя, кажется, услышала его мысли.

– Я ведь словно умерла, Имс, – ровно произнесла она. – Если я умела... такое, зачем отказалась от этого? Чтобы стать посредственным психотерапевтом? Практикую, честно говоря, спустя рукава.

– О, Майя. Ты никогда ничего не делаешь спустя рукава.

– Нет, Имс, это не то. Ты говоришь о старательности работа. А я – живой мертвец. И неудивительно, что вижу... такое же. Живых мертвецов. Ты спрашивал меня об этом: что там, в глюках. Вот что. Я вижу их, потому что сама такая же.

– Вот как... Это надо обдумать. – Имс усмехнулся. – Зато я не заметил признаков мигрени, дорогуша.

Майя улыбнулась. Но от этой улыбки Имсу захотелось открыть окно настежь и сбросить вниз уже не пепел, а самого себя.

– Ты прав. Вообще никакой боли.

Имс со всей силы ткнул окурок в пепельницу, чуть не свалив её на пол, и ушёл в ванную.

Пятнадцать лет назад в это время они с Майей ездили на заброшенную Горбовскую ГРЭС. Позже Имс где только ни

побывал – в Европе, Америке, Азии, Африке, и по родной стране от Владивостока до Мурманска поездил, массу всего видел, массу всего перепробовал. Но одна-единственная поездка на заброшенную электростанцию за восемьдесят километров от столицы осталась вырезанной на мозгах. И на сердце.

Ездили на красном «пежо» Имса – спустя полгода он его продал и купил вишнёвый «вольво», но перед Майей попонтоваться не удалось: её уже не было. Добрались без приключений сквозь снежную влажную морось – писатели любят такую сравнивать с серой кисеей, – и Майя вышла из машины с такими удивлёнными глазами, словно Имс привёз её к мавзолею инопланетного бога.

Среди заснеженных густых тёмных елей, пожелтелых сосен и бурых берегов здесь сохранились механизмы плотины – турбины, фильтры, задвижки. Уцелел и сам мост, и небольшое жёлтое здание, издавлека напоминавшее скорее тургеневских времён особняк, чем хозяйственное строение; не обвалился даже таинственный туннель. Но главное было в том, что окружало величественной короной это покинутое творение рук человеческих: пышный лес, бурная чистая ледяная вода и несколько островков на реке, а над всем этим – низко нависавшее зеленоватое небо, в котором неслись налитые золотом облака.

Майя бродила вокруг и любовалась каждой травинкой, пылинкой и снежинкой, а Имс наслаждался не ландшафта-

ми, а фактом, что они здесь одни, одни на много километров вокруг. Было отчётливое ощущение, что они прибыли на другую планету или переместились в альтернативную реальность, которую сейчас могли сделать своим личным Эдемом. Начать всё с нуля, без ошибок и грязи, которые всегда сопровождали человечество. С ними говорило само небо – вот этими облаками, мчавшимися удивительно быстро, точно кто-то плёнку перематывал в ускоренном режиме; тишиной и шорохами, принадлежавшими не жизни людей, зато жизни всего остального – природы, разных миров, времени, вечности...

Имс поражался, грызя сухую былинку, собственной сентиментальности, но ему и вправду показалось, что неподалёку стоит их с Майей космический корабль и что он лично нашёл то, что всегда искал: больше не надо никуда бежать, не надо задумываться, сколько ещё предстоит биться на бесконечной войне жизни. Биться, может, и предстояло, но теперь хотя бы стало понятно – за что.

Сейчас ему пришло в голову, что тогда они попали как раз в имматериум: время и пространство деформировались; проверь законы физики – и они не сработают.

И сегодня он тоже чувствовал себя в Варпе, только с противоположным зарядом. Их обоих словно вышвырнуло в безжалостную пустыню, в почти бескислородное пространство, и они пытались удержать друг друга на неведомом краю, хотя уже оба задыхались. Вокруг колебалась странная

энергия, делая всё зыбким и неустойчивым; очертания простых вещей расплывались на глазах, правила обычной жизни не действовали. Это был грёбанный «Солярис», насылавший видения, от которых и Имс, и Майя в своё время бежали куда глаза глядят. Но если Майя впадала в ужас от каких-то мертвецов, то Имс скрипел зубами от боли, потому что память, вдруг освещённая белым космическим солнцем, явила ему все забытые углы и переулки давно и намеренно убитой любви.

Только вот ни хрена она не умерла, гадина.

Имс был безжалостен: он вывалил на Майю кучу воспоминаний, горы фотографий, записей – аудио и видео. Не хотел мучиться один: нет уж, дудки.

И всё же больше всего его интересовало, что за мертвецов Майя видит.

– Это реальные лица? Они похожи на знакомых тебе людей?

– Имс, прекрати. Это просто условные мёртвые люди, вернее, образы, которые роятся в моём мозгу...

– В «Шестом чувстве» мальчик видел конкретных людей, которые просто не знали, что умерли...

– Мы не в «Шестом чувстве»! Это просто армия мёртвых: лица сменяют друг друга, кто-то смотрит на меня, кто-то нет... Но все они... – Майя запнулась. – Все будто о чём-то просят. Или в чём-то обвиняют? Я не пойму.

Но Имс не унимался. Тогда Майя тоже не сдержалась и заорала; Имс заорал в ответ – уж это он умел, жаркие итальянские скандалы. Как выяснилось (как вспомнилось потом), умела и Майя, и минут двадцать они вопили друг на друга, вошли в такой раж, что Имс не смог себя сдержать. схватил Майю за шею, на миг прижался лбом к её лбу и поцеловал, как изнемогавший от жажды вампир.

Она пахла кофе и прохладой – и на вкус была как кофе и прохлада. Насладиться Имс не успел: почти сразу его оттолкнули, а следом он получил даже пощёчину, а настоящую затрещину.

И почти сразу же Майя сменила гнев на милость.

– Мы вроде на рынок собирались? Имс, хватит уже держаться за лицо, что за шоу!

– Show must go on, – подмигнул Имс.

Что-то изменилось: «Солярис» булькал иначе, уже не так странно и угрожающе. Имс вдруг понял, что после второго явления Майи в его жизни точно уже никто другой никогда не появится; не получится снова собрать себя из черепков.

На базаре было дивно. Шум, толпа, возбуждённый трёп; торговцы горделиво трясли колбасами, рыбами и банками с соленьями перед покупателями; мёд лился рекой – самых разных оттенков, переливаясь, как драгоценные камни; рыба блестела серебром, разевала рот; в вёдрах громоздились горы мороженой ягоды – морошка, клюква, брусника, чер-

ноплодная рябина; в молочной части янтарно и кремово сияли сыры, масла и сливки; рыжели перчёными боками куски сала и шпика, подмигивал румяный копчёный балык, жирно розовела буженина...

Имс специально выбрал фермерскую ярмарку, не из тех огромных рынков, что напоминают стерильные супермаркеты и теряют всякую пряную непринуждённую живость. Он любил потреться за жизнь с каждым владельцем стихийной лавочки: где ловили рыбу, что привезут в следующий раз, чем замечателен этот сыр, где собирали этот мёд. С базара он приходил наполненный эмоциями до краёв – ну и банками с пакетами нагруженный, как выучный верблюд; денег никогда не жалел.

Сегодня цирк он устроил пуще прежнего, потому что Майя наблюдала, и губы её слегка дрожали: сдерживала улыбку.

– Мёд наш даёт лёгкость, не то что другие – колом в горле стоят... Вот редкость редкостная: из айланта. Белый, лёгкий, нежный... А каштановый? Это для тех, кто понимает! Элитный сорт! С горчинкой, терпковатый – не приторный. Алтайский вон рядом продают, он приторноват, как по мне. Откуда везём? Из Сочи, из Сочи... Вы к нам в июле и августе приходите, привезём свеженького! Этот вообще из Красной Поляны, достопримечательность, можно сказать. Да-а, правильные пчёлы, вы правы! Кавказская высокогорная серая пчела! Очень ценится – самый длинный хоботок в России!

И нрав спокойный... И не смейтесь – это важно для пасечников!

– Итальянские сыры! Итальянские сыры из Люберцов! В нашей сыроварне итальянские сыры делают итальянцы, никакого обмана! Что вам, молодые люди? Пармезан, рикотта, моцарелла... Всё свежее! В магазине такого не купите! Да вы смеётесь, что ли: сыр годен всего-то десять дней – и то при нужной температуре! А чуть теплее – и вовсе дней пять! А моцарелла в магазине хранится больше месяца! И что внутри такой «моцареллы», а? Всё что угодно, только не сыр!! Вот, давайте кусочек? Не кислит нисколько! А цвет какой? Кремовый: молоко было жирное!

– Свежая форель! Вкусная форель! Из местных хозяйств, везли недалеко! Подходите! На гриле отлично! Врачи говорят, форель для памяти и для сна хорошо! А вот карп – каждая чешуйка горит!

– Надеешься, что форель пробудит мою память? – спросила Майя, когда они загружали пакеты в машину Имса – снова «вольво», только серого цвета. С красными и вишнёвыми авто он распрощался.

– Надеюсь, сработает другая её функция – «для сна». Каждый час просыпаюсь и думаю, что ты ушла. Или просто бросила меня, или снова твоя fuga сыграла. Хоть браслет тебе цепляй.

– Ты в курсе, что это называется «созависимость»?

– В курсе, – кивнул Имс, захлопывая багажник. – И зна-

ла бы ты, как она меня задолбала – что тогда, что сейчас. Садись. Помнишь парк, где тебя нашли с травмой головы? Прекрасно. Сейчас поедем туда.

– Мстишь?..

– И это тоже, – ощерился Имс. – Как же без этого.

С парком в последнее время носились как с золотым яйцом, пафосно назвав его Садам будущего. Надо признать, и вправду облагородили: каменные дорожки, тропинки, цветники, даже новый фонтан. А ещё – множество фонарных столбов и, как понял Имс, камер наблюдения. Жаль, реконструкция случилась позже их истории: тогда парк был заброшен.

От сгоревшей усадьбы остались липовая аллея, старый пруд, большой дуб и, конечно, Яуза – с новым кокетливым мостиком. В липовой аллее Майя и очнулась несколько лет назад – в очередной раз человеком без прошлого. Майя молчала, и в этом молчании Имс ощущал привкус вины.

– А что ты делала в этом парке?

– Гуляла, вероятно.

– Знаешь, не думаю, что ты просто гуляла, запнулась, упала и ударилась. Что-то явно произошло. Что-то криминальное.

– Имс...

– А?

Майя смотрела куда-то под липы и медленно бледнела,

будто молоко заливало её золотистую кожу. Резко проступили скулы, подглазины – точно сама смерть напомнила о себе обострившимися очертаниями черепа.

– А ты ведь прав, – сказала Майя. – Это было убийство... Но я не видела убийства... Я, похоже, нашла тело. Только что убитого. Чёрт, у меня голова болит просто зверски...

– Наплюнь на голову, Майя. Ты нашла свежий труп? В общем, неудивительно. А может, не было никакого убийства? Может, он сам окочился? Алкаш? Или дедуля с сердечным приступом?

– Нет... Это была насильственная смерть, точно. Во-первых, потому что его... этого мужчину... истязали. Рана на голове, ожоги от сигарет на груди... И ноги переломаны... Пульса, конечно, уже не было, когда я подошла, но тело было ещё тёплым. Тёплым. Его убили только что.

– Сказочно, – пробормотал Имс, вытаскивая сигарету. – Допустим. А во-вторых – что?

– Что?..

– Ты сказала «во-первых». А «во-вторых»?

– А... – устало произнесла Майя и села на скамейку. Протянула руку к Имсу за сигаретой, затянулась. – Я знаю это, потому что он говорил со мной.

Имс подавился воздухом и долго кашлял.

– Ну, значит, не такой уж он и мёртвый был... кхх... Майя, да чтоб тебя! Что мне голову морочишь!

– Нет, Имс, ты не понял, – сказала Майя, снова затягива-

ьясь. – Он был однозначно и бесповоротно мёртв, но я положила ему на лоб ладонь, и мне так сильно захотелось узнать, что произошло, кто это сделал... Мне было так жалко его... Тогда он заговорил со мной. И показал. Само убийство и убийц. Будто картинка передалась. Знаешь, есть легенда, что сетчатка мёртвого сохраняет изображение того, что он видел перед смертью?

– Была такая теория, но доказали, что зрительный пурпур бледнеет на свету и ни на что не годен... Да и глаз не фиксирует так долго – разве что очень яркие предметы, и то у животных... У человека невозможно. В общем, чушь: на сетчатке ничего не разберёшь.

– Но мы же не о науке говорим, Имс. Я говорю: мне передалась картинка. Того, что конкретно этот человек видел перед смертью. И это было не одно изображение – запись последних минут двадцати. Роковых минут, понимаешь?

Имс тяжело опустил на нагретую солнцем скамейку.

– А руки... С ними тогда что-то случилось?

– Не помню. Совершенно не помню.

– А что было после того, как тебе «передалась картинка»?

– Этого тоже не помню. Как занавес опустился. Предполагаю, – она пожала плечами, – что я потеряла сознание и упала, стукнулась, поранилась. Думаю, это был очередной сдвиг по фазе. Я считаю, что психически больна: шизофрения, навязчивые идеи, паническая атака, а потом острый приступ заканчивается амнезией. Приступы, вероятно, зависят от по-

трясений, так или иначе связанных со смертью. По идее, Имс, мне бы в психиатричку...

– А я, Майя, думаю, что дело в другом. Может, ты и психически нездорова – но это цветочки. А ягодки у нас невиданного урожая.

– Да разве вообще есть другие варианты?

– Есть, Майя. Ты просто-напросто некромант.

Глава 6. Садовый сторож

Форель пришлось отложить. По возвращении из парка Имс накачал Майю снотворным и уложил спать. Сидел с ней, пока она не заснула, потом решил посидеть ещё немного: шерстил интернет, потом просто разглядывал подрагивавшие во сне ресницы и бледное лицо, а потом не заметил, как сон забрал и его тоже.

Проснулся ранним утром от ломоты в шее, в скрюченной позе, с оледеневшими на полу босыми ногами. Майя ещё спала.

Имс на цыпочках вышел на кухню, с кухни – на лоджию, достал сигарету, открыл окно веранды, закурил. На улице резко потеплело.

Его вчерашние изыскания оказались не напрасны: добившись от Майи, как ей явилось в парке неприятное откровение, он нашёл более чем достаточно информации о том, что случилось.

«Старший помощник руководителя СК РФ по столице рассказал, как произошёл инцидент. Трое молодых людей в Леоновском парке вступили в конфликт с четвёртым, им не знакомым, потому что тот был одет „не по понятиям“: длинное пальто, шляпа, очки в золотой оправе. Сначала отняли шляпу, сорвали и растоптали очки, потом принялись избивать юношу, и даже после того как тот упал, продолжали по-

бои, нанося удары по голове».

Всё это было подробно изложено со слов свидетелей: странно одетый парень гулял в парке не один, когда наткнулся на гопников, а вместе с двумя друзьями (очевидно, такими же тощими романтиками, подумал Имс), но те быстро скрылись, когда увидели, какой оборот приняло дело, а позже выступили этими самыми свидетелями. А ведь могло быть трое на трое, равные силы. Имс чего-то в этой жизни не понимал.

Как парня жгли сигаретами, как ломали ему ноги, кто и как вывихнул ему руку (на которой были надеты старинные золотые часы), горе-приятели уже не видели. Этого никто не видел, кроме самих убийц и их жертвы.

И Майи – неведомым науке способом.

Имса интересовало, однако, не само по себе убийство молодого франта, наверняка витавшего в своих фантазиях веке в восемнадцатом. Он искал некий другой след и нашёл его очень быстро.

Странность этого, в общем, тривиального дела заключалась в том, что убийц (их уверенно опознали всё те же сбегавшие друзья жертвы) вскоре обнаружили в том же парке. Судя по всему, они нашли свою смерть всего через тридцать–сорок минут после совершённого преступления. Они еще веселились, распивали портвейн в беседке, наверняка обсуждали произошедшее, а может, напротив, забыли о нём как о рядовом случае, но что-то такое в этот момент случи-

лось, что поразило их насмерть в несколько мгновений.

На лбу у каждого из троицы нашли лёгкое потемнение, напоминавшее след от окислившегося металла (так темнеет палец от кольца, если в золото добавили слишком много меди или никеля). Или от обморожения. При них нашли снятые с убитого золотые часы и его бумажник. Сомнений в их причастности к содеянному не возникало, но причин их собственной таинственной смерти так и не нашли.

Зато для Имса теперь картина начала проясняться, включая тайну расправы над убийцами Эммы. Выходит, тем вечером именно Майя первой нашла Эмму (её и убили неподалёку от дома, всё логично). Врагу не пожелаешь такого.

Правда, в тот раз убийц она уничтожила не моментально, а через пару дней (так выходило из расчётов следствия), и не на улице, а у них на квартире. И если всё происходило по тому же сценарию передачи картинки, беседы с телом, то, скорее всего, те упыри были Эмме знакомы. И Майе знакомы, поэтому она и сумела их найти.

Но кто, кто из знакомых мог сделать такое с Рыжевлаской? Впрочем, её всегда очень сильно ревновали парни: сколько ссор и скандалов из-за неё Имс наблюдал – можно было роман написать.

Имс бы сам этих тварей с удовольствием упокоил. А потом *поднял* и упокоил ещё раз.

Хотя тут могли быть нюансы. Майя могла найти Эмму не сразу же после убийства. Тогда возникали техниче-

ские вопросы: в течение какого времени Майя могла вопрошать мертвецов? Через час, через полдня, через сутки, через трое? Всё это Имса почему-то чрезвычайно сильно интересовало, хотя должно было, обязательно должно было пугать. Майя могла не сразу решить отомстить (хотя, перебил себя Имс, наверняка она решила это сразу, тут не может быть сомнений).

Возможно, сначала она даже не поняла, что конкретно с ней творится. Горе и гнев притупили её чувства, заморозили психику. Но вот потом, когда вендетта уже свершилась... пошёл откат. Разум пытался защититься от нескольких ужасов сразу: нелепейшая смерть любимой сестры, убийство голыми руками трёх человек (и это вовсе не было метафорой, Майя и вправду это делала голыми руками, Имс не сомневался – он помнил чудовищный холод, который испускала её кожа, и синие огни), шок, соприкосновение с миром неведомого, страшным тонким миром, в который раньше Майе не было доступа, о котором Майя даже не задумывалась.

Да кто о таком задумывается! Никто ведь не говорит: «А вот если я вдруг обнаружу в себе дар некроманта, то...» Может, где-то и есть миры, где возможен карьерный рост в этой роли: при дворе какого-нибудь императора или могущественного духа... Имс мог вообразить даже ту ветвь реальности, где во вполне технологичном, современном, допустим, Нью-Йорке некроманты могли бы выступать следователями или судмедэкспертами, допрашивать трупы, рас-

следовать преступления, закрывать таинственные лакуны в следствии... А если бы труп можно было привести в суд, чтобы он выступил свидетелем (или обвиняемым, или обвинителем – почему нет?) – о, какие широкие перспективы это открыло бы, какой дивный новый мир! Это было бы чудесно. Ещё бы и сериал сняли о каком-нибудь симпатичном наивном молодом некроманте – чтобы развеять мрачный ореол этой профессии и создать её представителям позитивный имидж среди населения...

Чёрт побери, о чём он только думает.

Имсу срочно надо было чем-то заняться: все эти размышления о новых возможностях Майи его невероятно будоражили.

Имс всё же решил начать готовить форель – всё равно перед духовкой ей нужно было постоять часок. Из рыбы текла густая алая кровь; он уже и забыл, что в этих холодных существах скрыто столько яркой крови. Поневоле, орудуя ножом и руками, промывая форелевое брюшко, счищая крупную серебристую чешую, он думал о вещах, о которых только что думать себе запретил.

Он думал об этом, сосредоточенно обмазывая рыбины крупной солью и свежемолотым чёрным перцем, обкладывая майораном.

Он думал об этом, когда чистил картофель, когда резал лук и смешивал его с солью и оливковым маслом, когда клал

рыбу на луковую подушку в стеклянную форму, когда провожал её в духовку. Когда ставил кастрюлю с картофелем на плиту.

Когда насыпал свежий кофе в кофеварку.

Когда слушал, как шумела вода в душе: Майя проснулась.

Имс всегда хотел, чтобы в его жизни случились чудеса. Пусть страшные, пусть кошмарные, но свидетельствующие о существовании другого мира, альтернативной реальности, откуда бы текла магия, или божественное, или просто – иное.

В его жизни было несколько этапов. Сначала его безумно воодушевлял бег наверх по карьерной лестнице, который со временем превратился в плавное, уверенное движение на социальном лифте. Ему безумно приятно было менять шмотки, вина, машины и квартиры на всё более дорогие, привыкать к брендам тяжёлого люкса, к дальним путешествиям, к закрытым клубам. Да в конце концов, он просто любил завязывать самые разные связи и работать на износ, общаться, развлекаться – это давало ему ощущение полноты жизни.

Так длилось примерно до Имсовых тридцати пяти. Потом всё это быстро начало терять смысл. Впрочем, если честно, это потеряло смысл сразу же после исчезновения Майи, а значит, ещё раньше. Однако Имс некоторое время сёрфил по волнам столичной жизни на чистой инерции, на привычке, себе назло. И всё же выдохся.

В лекторы, в преподаватели было пойти ошибкой: как он никогда не ощущал умиления перед маленькими детьми

(всего лишь будущие люди, и большинство из них станут такими же тупыми, как сегодняшние взрослые), так не ощущал и трепета перед молодым поколением.

Впрочем, многим студентам нравилось, с каким наглым цинизмом Имс читал лекции и вёл семинары. Когда он принимал экзамены по формальной логике, то посылал самых шустрых из группы за кофе, сигаретами и булочками, а порой, чего греха таить, и за коньячком, а сам либо погружался в чтение книжки, либо набрасывал новый роман. Студенты могли спокойно пользоваться шпорами и даже учебниками, однако валил Имс прекрасно и с этим подспорьем: умение строить правильные силлогизмы и делать верные выводы из предпосылок становилось понятно из короткого шутейного разговора.

Имс вообще никогда ни к кому не относился серьёзно; не испытывал нежности и даже страсти, как её многие понимают. Все неизменно считали его донжуаном, однако на самом деле он не был ни холоден, ни горяч. Так было до – и так было после Майи.

Лишь с ней было так, будто Имс бесновался на дискотеке под оглушающую попсу, а потом вдруг слышал ноктюрн Шопена. Теперь он понимал крыс, которые, забыв обо всём, теряя инстинкт самосохранения, бежали за дудочкой Крысолова. У каждого в жизни был свой Крысолов.

Очень быстро социальная жизнь перестала иметь для Имса значение. Подъём на социальном лифте на самый верх

небоскрёба карьеры не приносит русским людям кайфа. Кайф – это когда ты сходил по землянику в прожжённой штормовке своего деда, а потом смотришь на закат в садовой беседке под наливочку и жареную рыбку. И в этот момент веришь, что за этим миром есть другой. И что тебе дано с ним общаться. Метафизика – наше всё.

И вот теперь тонкий мир не просто постучался в двери Имса, он вошёл в его дом.

Жаль только, что Майя воодушевления Имса не разделяла.

– Имс, мне надо вернуться к себе, – сказала она, выходя к завтраку уже одетой. – Я не могу жить у тебя.

– Почему? – спросил Имс.

Майя чуть улыбнулась.

– Причин куча, и тебе все известны.

– Вчера тебе было очень страшно.

– И сегодня ещё будет. Если честно, я не знаю, чего больше хочу: забыть или вспомнить.

– Раньше ты никогда ни от чего не бежала.

– Раньше я была другим человеком.

– Все мы когда-то были другими людьми, Майя, – произнёс Имс, наливая вторую чашку кофе и щедро плеская туда коньяку из початой бутылки, стоявшей на столе для всякого непонятного случая. – Решит что-то для тебя ещё один день?

– Мы уже провели вместе довольно времени, тебе мало?

– Да, – признался Имс. – Мне мало.

– Кроме того, мне надо сходить на приём, купить препараты.

– Не надо тебе никаких препаратов.

– Имс, ты же видишь – я не в себе явно. И ты немножко тоже сбрендил, судя по твоим заявлениям.

– Может, я и сбрендил, но теперь картинка выстраивается.

И Имс изложил своё видение ситуации: от Эммы до молодого франта.

– Я тоже вижу логическую связь, – задумчиво ответила Майя. – Это значит, что моя болезнь возникла, когда я нашла Эмму, а потом каждый раз, когда я видела что-то подобное, у меня начинался приступ и вёл к амнезии и сбросу личности. Хотя, возможно, Эмму я даже не находила. Возможно, я лишь прочитала о преступлении, а потом достроила картинку. Возможно, из реальных трупов я нашла только того парня... Если уж настолько совпало описание с новостной хроникой. Да и то никто не может поручиться, что мне просто не привиделся похожий кошмар! Ясно одно: я зациклена на вопросе жестокой и нелепой смерти. Смерти на ровном месте, без всяких причин, ни с чего.

– Я найду ещё связи, – пообещал Имс.

– Знаешь, твоя реакция на мои галлюцинации меня пугает больше, чем они сами, – сказала Майя, пристально глядя Имсу в глаза. – И я даже догадываюсь, что ты будешь искать. Похожие случаи – то есть быстрое возмездие для убийц, ис-

тязавших случайную жертву, – в период между моим первым исчезновением и парком? Так вот, я уже поискала, Имс. Я рылась в интернете, пока ты курил и возился с рыбой. И можешь радоваться: я нашла то, что ты ищешь.

Она пододвинула Имсу планшет, который принесла с собой на кухню. Пальцы у неё были тёплые, когда Имс с ними соприкоснулся: обычные руки обычного человека.

Заметка в одной жёлтой интернет-газетке подробно, даже с каким-то извращённым аппетитом, расписывала вечернее убийство женщины в одном садоводческом товариществе на окраине Москвы. Женщина работала в саду, а потом решила устроить перекур. На перекуре её и подкараулил бывший муж, нанеся ей пятнадцать ножевых ранений (приревновал к новому парню) и быстро скрылся, однако ушёл недалеко. Исходя из результатов экспертизы, он умер через три часа после совершённого убийства на перроне у электрички, на которой, судя по билету, намеревался уехать в подмосковное Щёлково. Орудие преступления было найдено при нём, следы крови на его одежде полностью совпали с кровью убитой. Из повреждений на теле убийцы нашли небольшие тёмные пятна на шее и челюсти – они походили на следы пальцев. Однако на удушение ни намёка. У мужчины просто сердце разорвалось.

– И за каким хреном тебя туда понесло, Майя?

– Кто сказал, что я там была?

– Прекрати, ради всех богов. Ты предвидишь такие ситу-

ации, выходит?

Майя вздохнула и забрала у Имса планшет, открыла новую закладку и вернула планшет Имсу.

– Читай. Ты слишком фантазируешь. Всё гораздо проще.

«Таинственное исчезновение садового сторожа в день громкого убийства». «В день, когда психопат зарезал бывшую жену, бесследно пропала сторож СНТ „Белые зори“, где и произошло убийство».

С экрана на Имса смотрела осунувшаяся, с тёмными ямами под глазами, в какой-то чудовищной рубашке и не менее чудовищной куртке, но, несомненно, Майя.

Открыв еще несколько ссылок на эту тему, Имс узнал, что пропавшую так и не нашли, хотя сначала подозревали, что она соучастница преступления, а потом – что стала второй жертвой как случайный свидетель расправы. Однако ДНК никакой второй жертвы на убийце найдено не было. Камеры – криво расположенные и крайне немногочисленные – факта второго убийства и даже факта обнаружения трупа сторожем тоже не зафиксировали, но они и первого убийства, собственно, не зафиксировали.

Участники коллективного сада «Белые зори» отзывались о пропавшей как о спокойной и замкнутой девушке, но не в плохом смысле: всегда читала, училась на каких-то курсах, по крайней мере, видели её с учебниками. Её за учёбу даже уважали – значит, не хотела всю жизнь сторожем работать, понятно, совсем ещё молодая. А впрочем, никто её особо и

не замечал, зато после её исчезновения стало известно одно обстоятельство, вызвавшее довольно громкий, но всё же местечковый скандал, повлекший проблемы у учредителей СНТ: у девушки при приёме на работу не потребовали никаких документов, она работала без всякого оформления, за копейки, зарплату получала чёрным налом, жила тут же в вагончике без удобств. Сады есть сады – какие права, какой трудовой кодекс. Девушка ничего не требовала, да и ладно; главное – не воровала и не хамила садоводам, наоборот, всегда вежливо здоровалась, не отказывалась от работ на участках, если просили, за очень маленькие деньги всем помогала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.